

Българите в Северното Причерноморие ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ СЕДМИ

ОДЕЖДА В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОЛГАР ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ

Татяна Агафонова

В современной этнографии традиционная одежда рассматривается не только как материальный объект, но и как часть духовной культуры этноса. Такой подход правомерен в силу того, что народный костюм кроме своего основного назначения – предохранять человека от воздействия внешней среды, имеет множество других разнообразных функций. Он носит ярко выраженный знаковый характер, связан с различными областями народной жизни, включая эстетические и религиозно-магические представления. Исследование народной одежды как явления, тесно связанного с духовной жизнью этноса позволяет расширить источниковую базу для реконструкции идеологических представлений народа и вычленения в них архаических элементов, а также более полно изучить функционирование традиционной одежды в этнической культуре и механизмы сохранения традиций народного костюма.

В данной статье будет рассмотрена обрядовая одежда болгар Южной Бессарабии, поскольку именно этот вид одежды, по мнению исследователей¹, обладает повышенным семиотическим статусом. При этом основное внимание будет уделено костюму, включающему собственно одежду, прическу, головной убор, обувь, украшения, а также предметам из текстиля, которые функционировали в семейных обрядах.

Источниковой базой работы послужили письменные источники XIX – начала XX века, а также собранные в болгарских селах Одесской области (сс. Заря (Камчик) Саратовского района далее 1; Червоноармейское (Кубей) – 2; Городнее (Чийшия) – 3; Владычень (Импущита) Болградского района – 4; Главаны Арцызского района – 5; Новоселовска (Еникей) Килийского района – 6; Суворово (Шикирли-Китай) – 7; Каменка (Ташбунар) – 8; Васильевка (Вайсал) Измаильского района – 9; Евгеновка Тарутинского района – 10)² этнографическими экспедициями Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова материалы, относящиеся к первой половине XX века.

Одежду в свадебных обрядах можно условно разделить на несколько групп: первая – атрибуты свадебных чинов, включая костюм невесты и жениха; вторая – приданное; третья – дары невесты и жениха и подарки невесте и жениху.

У отдельных этнографических групп болгар Южной Бессарабии, а именно твардичан, еще на этапе предсвадебной обрядности в костюме засватанной девушки появляются отличия, выделявшие ее среди остальной молодежи. По сообщениям

респондентов, после сватанья девушка носила на голове серебряное украшение (китка – 10). Это украшение носили до свадьбы каждый ден, а после свадьбы, в течение 40 дней надевали по воскресеньям.

Судя по письменным источникам, в XIX – начала XX века свадебный костюм невесты отличался от девичьего наряда наличием вуали белого или розового цвета, снимавшегося кумой перед венчанием¹, или же покрывала на лицо красного цвета (було)⁴. Аналогичное красное покрывало на лицо невесты бытовало и у болгар метрополии⁵.

Для снятия “було” у болгар Бессарабии, также как и болгар Балканского полуострова, существовал специальный обряд (“отбулевание” или “разбулевание”), который был одним из последних в собственном свадебном цикле: деверь или кума, которая затем передавала “було” деверю, снимали с невесты було (причем в с. Главаны это делается при помощи двух веточек роз) и забрасывает его на дерево. После этого молодой надевали головной убор замужней женщины – платок⁶.

Основные моменты указанного обряда сходны в различных болгарских селах. Отличались лишь сроки (воскресенье⁷, понедельник⁸, среда⁹, пятница¹⁰) и место его проведения (в саду¹¹, возле колодца – в данном случае “отбулевание” совмещается с обрядом первого вождения невесты к колодцу¹²). В Болгарии снятие “було” как обрядовое действие имело самостоятельный характер и совершалось до или после вождения молодухи к колодцу¹³. Как правило, это происходило в понедельник¹⁴, хотя известны и другие дни недели его проведения – среда¹⁵.

Красное покрывало на лицо невесты зафиксировано у балканских и бессарабских гагаузов¹⁶.

Исследователи свадебной обрядности болгар высказали предположение, что обычай ношения невестой (булкой) покрывала символизировал своеобразную преграду на пути булки, если бы она пожелала вернуться в дом родителей, являясь своеобразным показателем зависимого положения булки от мужа и его семьи¹⁷. Происхождение этого обычая у гагаузов и болгар связывается в римскими свадебными вуалями алого цвета, хотя сами болгары считают его турецким¹⁸.

Однако, на наш взгляд большее сходство вышеописанный обычай и связанные с ним обрядовые действия находят не в римской традиции, а в свадебной обрядности чувашей. Заключительным обрядом чувашской свадьбы, так же как и болгарской, было снятие с невесты свадебного покрывала, который совершал ближайший родственник невесты при помощи суковатой ветки. После этого невесте надевают головной убор замужней женщины. Сравнительное изучение этих моментов в свадебных обрядах чувашей и дунайских болгар позволили П. В. Денисову сделать вывод о сохранении и в чувашском и в болгарском вариантах обряда снятия с невесты свадебного покрывала реликтов почитания священного дерева – дерева жизни, которое представлялось одним из воплощений богини-матери. Поскольку вступление женщины в новое социальное положение происходило непосредственно под деревом (то есть под покровом богини-матери), то именно ей преподносилось в дар снятое с головы невесты покрывало, символ девичьей непорочности. По мнению ученого вера болгар, также как и чувашей, в магические силы священного дерева восходят к религиозным представлениям протоболгар¹⁹. Вероятно, участием протоболгар в этногенезе чувашей и болгар можно объяснить не только сходство болгарских и чувашских обрядовых действий при снятии с

невесты головного убора, но и само происхождение свадебного покрывала.

Ношение невестой свадебного покрывала зафиксировано и у восточнославянских народов²⁰. Суть этого обычая, по мнению В. И. Ереминой, охранительная. Оберег имел как бы двойственную природу. С одной стороны он был необходимым предохранительным средством от вредоносной силы девушки, находящейся на переходе из одного социального положения в другое, с другой – он был оберегом самой невесты от внешних враждебных сил.

Происхождение этот обычай связано с определенным моментом системы инициаций, а именно с обязательным временным укрыванием посвящаемого. Несмотря на то, что древние славяне, по мнению исследовательницы, не знали инициации как ритуального действия, в целом, основные представления этого комплекса тем не менее получили у них отражение в различных обрядах и фольклоре²¹.

Связь було с инициациями подтверждают и материалы календарных обрядов болгар метрополии. В Север-Восточной Болгарии “було” присутствует во время свадьбы, но и является элементом костюма одной из участниц весенних девичьих обрядовых игр (боенец, данец), совершавшихся в разные дни в период великого пасхального поста²². По мнению Т. А. Колевой, именно этот обрядовый комплекс содержит элементы, связанные с социализацией подрастающего поколения, с половым созреванием и получением права на брачную жизнь, то есть в нем долгое время продолжают сохраняться реликты древних коллективных инициаций девушек, тогда когда сами инициации уже не проводятся. В качестве одного из таких реликтов, считает исследовательница, можно рассматривать красное свадебное покрывало, которое являлось апотропеем, оберегающим девушек в период прохождения ими инициаций²³. На наш взгляд, поскольку одной из существенных черт инициаций девушек являлась их отделение от остальных членов общины²⁴, то указанный элемент костюма помимо выполнения обереговой функции представлял собой трансформированный способ изоляции.

Дополнительным аргументом в пользу связи обычая ношения невестой було с инициациями является и красный цвет покрывала. По мнению этнографов, этот цвет входил в так называемую традиционную триаду (белый-красный-черный), в соответствии с которыми классифицировался опыт социальных отношений. В частности, красный и белый цвет символизировали жизнь, черный – переход из одного социального статуса в другой. В тех случаях, когда присутствовали только красный и белый, на красный переносилось символическое значение черного²⁵. Поскольку проведение инициаций связано с приобретением подростками нового социального статуса и иницируемые в ходе этих обрядов проходили своеобразное перерождение или воскрешение²⁶, то возможно эту идею дополнительно выражали посредством цветовой гаммы его костюма.

Как мы уже отмечали выше к концу XIX века у бессарабских болгар изменяется цвет покрывала (аналогичная трансформация от красного к белому происходит и на территории самой Болгарии)²⁷. А к 20-30-м гг. XX столетия оно практически выходит из употребления. Его функции переносятся на появившуюся под влиянием городской культуры фату (фата – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; булу – 7; було – 10) с венком из воска (венки – 1; перо – 3, 6, 9; герланда – 7, 8), по бокам которого свисали блестящие нити (сирма – 1; тель – 2; злато – 2; тел – 3, 8; сърма – 7; бел тел – 9). У твардичан с. Евгеновка эти нити (сирма) закрывали лицо невесты, причем о ней говорили как о “булке под було”.

Кроме того, "було" трансформируется в иные элементы свадебного обряда. В исследованных селах нами зафиксировано несколько вариантов трансформации: повязанный на руку невесту кусок ткани (було – 2, 6; кърп – 3), красный фартук из домотканой шерсти (було – 1). В с. Городнее района зафиксирован промежуточный вариант: повязанный на руку невесте отрез материи после снятия фаты повязывали ей на голову. Венок и фата, которые в этом наряде служили знаком девичьей непорочности, возможно, так же сохраняют отдельные элементы значения "було", в частности посвящение покровительнице. Судя по полевым материалам, послед свадьбы венок хранился в иконе, чаще всего Божьей Матери. У було же на первый план выходят береговые функции: по сообщениям респондентов, после свадьбы невеста обязательно должна была шить себе из этой материи платье, которое обязательно снашивалось за один год. В с. Суворово при выведении невесты из родительского дома во двор младшая сестра держала ее за повязанный на руку кусок материи.

Сходный обычай не касаться друг друга голой рукой для участников свадьбы бытовал в XIX – начале XX века и у восточных славян. Также как и в болгарской свадебной обрядности, у этих народов соединение брачующихся друг с другом и с остальными участниками свадьбы происходило через изделия из текстиля: платок, полотенце и т. д.²⁸. Помнению Г. С. Масловой, был связан с представлениями, что это могло сулить бедность²⁹.

Помимо магических у "було" сохраняются и функции генетически связанные с инициациями и ритуальным скрыванием. Так, в с. Заря по сообщениям информаторов в 20-30-е гг. XX столетия "було" представляло собой красный фартук из шерстяной домотканины, которым покрывали лицо невесты.

Еще одной отличительной чертой костюма невесты в конце XIX – начале XX века была вышитая рубашка. Хотя по сообщениям письменных источников ранее этот способ украшения применялся для повседневной одежды³⁰, в указанный период он используется только для обрядовой.

Неотъемлемой составной частью костюма невесты были украшения, материал изготовления и количество которых зависело от материальной состоятельности. Однако, одно из видов украшений – монисто из круглых блях (алтын – 2; лефы, лефой – 7) – являлось обязательным.

Отличительным знаком костюма жениха, состоявшего с начала XX века преимущественно уже из праздничной одежды городского фасона, был прикрепленный к его пиджаку искусственный цветок (букет – 2, 5, 8; перо – 3, персе – 10).

Обязательным атрибутом костюма жениха в начале XX века было также присутствие верхней зимней одежды – шубы и смушковой шапки, независимо от времени года³¹. Исследователи народной духовной культуры по-разному трактуют значение меха и изделий из него. Так, Г. С. Маслова, изучая одежду в обрядности восточнославянских народов, высказала мнение, что обычай с мехом в свадебной обрядности являлись как бы пожеланиями урожая, а с ним богатства, детородства³². Зеленчук В. С. видел истоки обрядового употребления многими народами овчины в жертвоприношении барана или овцы для умилостивления богов³³. С. С. Курогло же напротив, подчеркивал, что религиозно-магическое значение, придаваемое овчине в обрядах, позднее явление. Более древним, по мнению исследователя, было бытовое, практическое применение шкур (в качестве подстилки, материала для изготовления одежды и т. п.). Их магическое значение

появляется лишь с возникновением религиозно-мифологических воззрений³⁴.

Обеспечить счастливую жизнь будущей семье были призваны и некоторые действия накануне свадьбы, а именно зафиксированное в исследованных болгарских селах (2, 6, 7) купание невесты. После купания невесте заплетали косы, сопровождавшееся грустной музыкой и песнями. В некоторых селах (3, 7) плетение кос символизировало прощание девушки с девичеством, поскольку уже на следующий день ей делали прическу замужней женщины: собирали волосы на затылке в узел (кок).

Одновременно с купанием невесты происходило бритье жениха. По сообщению письменного источника, в начале XX века бритье носило смысловой характер, так как сопровождалось музыкой, плачем жениха и его матери³⁵. Так же как и у балканских болгар³⁶, таким образом выражалось прощание парня с холостой жизнью. Согласно полученным от респондентов сведениям, в последующий период времени бритье утратило свою смысловую нагрузку и сохранилось в виде обычной процедуры.

Помимо жениха и невесты в свадьбе принимали участие другие свадебные чины, каждый из которых, как правило, имел отличительные знаки в костюме. Некоторые отличия в свадебной церемонии изучаемого нами региона в начале XX века повлияли на сокращение номенклатуры свадебных чинов, что привело к вытеснению из обрядовой практики их атрибутов.

Среди свадебных чинов начала XX века выделялась центральная фигура своеобразного ведущего обряда (кум). Его статус обычно подчеркивался подарками (1, 2, 3, 4, 5, 8, 9), которые, как правило, состояли из одежды и предметов туалета. При этом в с. Суворово куму дарили украшенную вышивкой рубашку, вышедшую к этому времени из повседневного употребления и использовавшуюся только в качестве обрядовой одежды. А в с. Новоселовка кума перевязывали рубашкой и платком. Аналогичным образом выделяли и жен кумовой, исполнявших зачастую функции подготовки невесты к венцу и к первой брачной ночи.

Кроме того, значительная роль в свадебных обрядах принадлежала участникам поезда жениха и невесты. В с. Городнее атрибутом поезжан женаха были надетые на голову венки.

Также зафиксированы отличительные черты в одежде отдельных участников свадьбы, выполнявших разнообразные функции в предсвадебной и послесвадебной обрядности. У твардичан (с. Евгеновка) на свадьбу приглашали мальчики (колесници, деверь), перевязанные красной лентой. В с. Городнее подтверждением честности невесты была процессия мужчины, несущая ее родителям специальный алкогольный напиток (медена ракия). Ее возглавлял близкий родственник жениха (побаштим) с фартуком (престилка) и ключьями из шерсти (кадели) на голове.

Действия с отдельными элементами костюма указывают на сохранение архаичных представлений в мировоззрении болгар исследованных сел. Обеспечить будущей семье дружную жизнь было призвано связывание рук молодых отрезом материи (2) или накидывание им на головы одних бус (3) перед введением их в дом жениха.

Помимо указанных чинов в свадьбе принимали участие ряженые. Ряжение сложное явление, требующее специального изучения, что не входит в задачи данной работы. Однако, поскольку оно связано с одеждой, остановимся на нем кратко. Чаще всего рядились послед брачной ночи. В с. Червеноармейское женщины наряжались в

одежду цыганок и ходили по селу, собирая ("воруя") различные предметы. Возможно пережитком ряжения или попыток защиты от злых духов был существовавший в с. Новоселовка обычай мазать жениха и невесту сажей. Как отмечают исследователи, ряженье восходит к архаическим идеологическим представлениям, связанным с магией, культом предков и продородия³⁷. Однако, собранные материалы свидетельствуют, что к началу XX века в нем на первый план уже выходят игровые, развлекательные моменты, имевшие бытового характер.

Материальными компонентами свадьбы были приданное невесты, дары невесте жениху и его родне, дары жениха невесте и ее родне, подарки другим участникам свадьбы и, в свою очередь, их подарки молодым. Институт приданного, известный у славянских народов издавна, сохранял свое существенное значение в крестьянской среде XIX – начала XX века.

По сообщениям информаторов, в XIX веке приданное состояло из двух частей: 1) земля, сельскохозяйственный инвентарь, скот (чииз); 2) одежда и предметы домашнего обихода (зестра). Помимо одежды девушки, во вторую часть приданного, как правило, входили одеяла, матрасы (дюшеки), падушки, ковры и т. п.

Размеры приданного, его состав зависели от многих обстоятельств, прежде всего от состоятельности крестьянской семьи. Однако, большую роль в количестве и качестве одежды, входящей в состав приданного, играли трудоспособность невесты и ее матери.

Кроме приданного невесты Н. С. Державин упоминает о приданном жене (бабак)³⁸. В исследованных нами болгарских селах этого явления не зафиксировано. Возможно, таким образом исследователь описывает материальное обеспечение женихом невесты, что 20-30 гг. XX века приобрела форму многочисленных подарков. Так, по сообщениям респондентов, жених покупал для невесты свадебное платье (венчален вистан – 2; булски вистан – 2; вечална рокла – 2, 3, 7; рокла – 5) и украшения.

Приданное заготавливалось исподволь, начиная с детства девушки. Кроме того, к свадьбе надо было специально сшить ряд предметов, как правило выступавших в предсвадебной и собственно свадебной обрядности в качестве подарков. По письменным источникам и полевым материалам, в предсвадебной обрядности они были показателем способностей и трудолюбия будущей жены и служили дополнительным подтверждением обоюдного согласия на брак. Эти функции выполняли подаренные во время сватанья или помолвки всем участникам помолвки рубашки (риза – 2, 6, пули – 10), вышитые полотенца (пешкиры – 2, 6), фартуки (фарта – 10), белые платки (везанки – 10), родителям жениха – красный фартук (залог – 10), замотанный к отрез белой материи (басмак – 10) либо что-либо из одежды; жениху – фартук (пръстилка – 3), рубаху (риза – 3, 6, 7, 10), вышитое полотенце (пешкир – 3, 6, 7, 10), дорожка (7), косынка (нишан – 6), невесте – ковер (3), платье (3, 4, 6, 7), украшения (3, 6, 7, 10), косынку (7), скатерть (мисал – 7), дорожку (плаче – 7), туфли (10), фартук (10) сватам – вышитую рубаху (риза – 7), галстук (7), носки (7).

В сс. Червоноармейское и Новоселовка подарки в предсвадебной обрядности, кроме того, носили демонстративный характер, поскольку возвращавшиеся домой под утро участники помолвки здесь были перевязаны подарками, что само по себе уже оповещало односельчан о предстоящей скоро свадьбе.

Во время свадьбы существовал целый ряд обязательных одариваний одеждой или текстильными изделиями. Среди разнообразия этих подарков выделим лишь наиболее

часто встречающиеся. Так, непременно подарками для невесты был платок и предметы туалета (мыло, одеколон и т. п.) со стороны свекрови и крестной матери, для родителей жениха со стороны невестки вышитые рубахи, носки, полотенца, платья. Вероятно, ранее все эти подарки имели особенное значение. Это подтверждается зафиксированным в с. Заря обычае, когда невеста дарила матери жениху рубаху (риза за свекърва) с непрорезонной горловиной, в которой горловину должна была прорезать сама свекровь. Подразумевалось, что тогда она будет меньше ругать и попрекать невестку.

По сведениям информаторов, в начале XX века одежда беременной женщины ничем не отличалась от обычной одежды. Вероятно, это связано с народными представлениями о том, что чем меньше людей будет знать от предстоящих родах, тем легче они пройдут. Исключения составляют лишь сообщения респондентов о том, что в 20-30 гг. XX века в с. Заря беременная женщина после 5 месяца беременности обязательно должна была носить фартук. А в с. Суворово беременная женщина не должна была встричь волосы. В этнографической литературе происхождение фартука связано с выполнением им обереговых функции, видимо, в первом случае нами зафиксированы остатки представлений о магическом значении указанного элемента женского костюма, поскольку в описанное время фартук постепенно перестает быть обязательным для всех женщин, а его обязательность регламентируется лишь для будущих матерей. Во втором случае – просматривается связь запрета с воззрениями о магической силе волос, которая необходима будущей матери для вынашивания ребенка.

Одежда также практически не использовалась для помощи женщине во время родов, хотя на территории Болгарии существовали обычаи развязывания всех узлов, поясов, расстегивания пуговиц с целью облегчения страданий роженицы³⁹. Письменные источники сообщают только, что у болгар Южной Бессарабии во время родов повитуха накрывает роженице лицо белым платком, чтобы уберечь ее от бесчестия⁴⁰.

Более значительную роль играла одежда и ее отдельные элементы в послеродовой обрядности. На этом этапе одной из основных функций одежды становится охранительная. В этой связи большое внимание уделялось различным оберегам.

По сообщениям этнографов XIX – начала XX века и полевыми данными обереги были разнообразными и многочисленными. Для роженицы они состояли из красной нитки (1, 2, 3, 7, 10), чеснока (1, 2, 3, 7, 10), гвоздика (7), синих бусинок (1, 2, 3) или перстня⁴¹, пришитых к платку. Обереги в одежде новорожденного можно условно разделить на две группы: а) обязательные для всех новорожденных: повязанная на руку (1, 2) или пришитая на шапочку (10) красная нитка и пришитые на шапочку синие (мальчикам) и красные (девочкам) бусинки (2, 6, 7) или монеты (2) либо чеснок (6, 7, 10); б) для новорожденных мужского пола, которые родились после умерших в семье детей: сережка (1, 2, 3). Н. С. Державин указывает на обязательность оберега – сережки также и для детей, родившихся во вторник⁴².

Необходимость указанных оберегов объяснялась желанием защитить роженицу и новорожденного от злых духов, бесов, глаза и т. п. Однако, обращает на себя внимание срок ношения оберегов матери и первой группы оберегов ребенка у болгар (40 суток), который имеет некоторое сходство с периодом похоронной обрядности, когда предпринимались наиболее активные меры для защиты от недавно умершего. А также тот факт, что красная нитка использовалась многими народами как один из способов

предотвращения влияния умерших⁴³.

Вероятно, обереги болгар сохранили отмеченные Н. Сумцовым народные воззрения о том, что роды делают роженицу и ребенка нечистыми до совершения очистительных обрядов и окончания естественного очистительного процесса, прикосновение к ним считалось опасным и губительным для других⁴⁴.

Таким образом, можно допустить, что первоначально обереги имели двойную направленность. С одной стороны они охраняли роженицу и новорожденного от внешних враждебных сил, с другого – охраняли окружающих от вредоносного влияния ребенка и молодой матери.

Сами же роды и определенное время него осознавались как своеобразный переходный период, завершение которого выражалось сменой одежды. Так, в с. Заря еще в начале XX века сохранялся обычай одевать ребенка после крещения, происходившего чаще всего на сорокой день после рождения, в специальную одежду – миро. А письменный источник отмечает нарочитую небрежность в одежде молодой матери именно 40 дней после родов⁴⁵.

Использование упомянутых выше предметов в качестве оберегов неслучайно и, вероятно, берет свое начало в древнейших идеологических представлениях человечества.

Чеснок и красная нитка как охранительное средство известно в календарной обрядности южных и западных славян. Красная нитка в сочетании с белой, по представлениям болгар Балканского полуострова, охраняла от сглаза. В некоторых районах Болгарии ею также обвязывали кисть руки и серпы перед началом жатвы и украшали веточки на Новый год (Сурву). Чеснок использовали для защиты от злых духов чехи и словаки в день Святой Люции: его ели все члены семьи и давали скоту, а также рисовали чесноком крест над дверями дома и хлева. Особенное значение ношению этого растения болгары Балкан уделяли в период от Рождества до Крещения, когда, по народным поверьям, враждебные силы были наиболее опасными⁴⁶.

Взгляды на особые охранительные свойства металла, как славян, так и протоболгар, нашли свое отображение в попытках защитить новорожденного с помощью изделий из него. Наиболее ярко это отразилось в оберегах ребенка, родившего после умерших в семье детей. Использование аналогичного оберега и для детей, родившихся во вторник, возможно связано с распространенным среди балканских болгар поверьем о несчастливой судьбе рожденных во вторник тодоровой недели – недели после сырных заговен⁴⁷. Со временем это поверье было распространено на всех детей, которые родились в какой-либо вторник.

Для обеспечения здоровья молодой матери и ребенка болгары в конце XIX века выполняли ряд магических действий с отдельными элементами костюма. По сообщению письменного источника, на 40-й день мать несла ребенка к восприемнице, которая наливает в башмак матери воды, чтобы у нее было больше молока⁴⁸. Этнографические описания Н. С. Державина, относящиеся к началу XX века, позволяют проследить трансформацию указанного действия: кум обрызгивает водой место у ног родильницы⁴⁹.

Одежду для ребенка в начале XX века, как правило, шили из старых вещей взрослых. Возможно, это имело не только практическую основу (это было дешевле, кроме того, стирания одежда была более мягкой), но и было связано с обычаем заворачивать новорожденного в одежду родителей, что, по мнению исследователей, являлось

равносильным юридическому признанию отцовства⁵⁰ и способствовало унаследованию положительных качеств близких родственников⁵¹.

Кроме того, одежда и изделия из ткани использовались в родильной обрядности в качестве подарков. Поскольку жизнь роженицы и новорожденного во многом зависели от знаний и опыта повитухи, ее умения пользоваться народной медициной, то прежде всего одаривали ее либо сразу после родов, либо позднее (как правило, после крещения ребенка).

Повитухе было принято дарить хлеб, фартук, отрез ткани. Особенно многочисленными были одаривания в день крещения новорожденного. Подарки для ребенка (в основном одежду) приносили все приглашенные, а также будущие крестные родители. Кроме того, они приносили с собой кусок материи (миро), в который заворачивали ребенка после купели. Этому куску материи приписывались особые свойства, и поэтому из него в дальнейшем обязательно нужно было сшить какую-либо одежду для ребенка или матери. Кроме того, в с. Евгеновка обращали внимание на длину полотна, поскольку, по народным представлениям, считалось, что чем длиннее миро, тем позже крестник вступит в брак. Обращает на себя внимание тот факт, что согласно свидетельству Н. С. Державина, еще в начале XX века у болгар "миро" используется в другом обрядовом действии, аналогичному по содержанию с крещением, но совершавшимся в доме ребенка восприемниками, и абсолютно не связанным с церковью⁵². К середине XX века церковный обряд полностью вытесняет и заменяет собой это, видимо, связанное с архаическими представлениями обрядовое действие.

В свою очередь родители ребенка также одаривают восприемников и гостей рубашками, платьями, платками и т. п. (количество и качество подарков зависело, как правило от материального достатка семьи новорожденного).

Впервые стригли ребенка тогда, когда ему исполнялся один год. Делали это крестные родители. Остриженные волосы должны были храниться в недоступном месте. По достижении ребенка 14 – 16 лет, ему показывали волосы. В случае, если он узнавал свои волосы, то это сулило благополучие в будущей жизни.

Одежда покойников отличалась тем, что чаще всего она готовилась специально для этого обряда и была изготовлена как правило из лучшей ткани. По объяснениям респондентов, это связано с религиозными представлениями о переходе человека в другой мир и встрече при этом переходе с богом, перед которым необходимо предстать в хорошей одежде.

Еще одной особенностью костюма покойников было использование в качестве обязательного компонента костюма покойника, как мужчины, так и женщины, нижней рубашки (асы – 2; пригурылка – 5), характерной чертой которой было отсутствие швов.

Покойному в гроб обязательно клали разнообразные изделия из текстиля, а также предметы туалета: платочки, полотенца, расческу, мыло и т. п. Все это, по народным представлениям, должно было служить умершему на том свете.

Во время обряда погребения не вступивших в брак молодых людей брачного возраста (девушки приблизительно с 15 лет, юноши – 18 лет) покойникам одевали в костюм жениха или невесты. Кроме того, в с. Заря жениху покойницы на похоронах дарили красный пояс и перевязывали его пешкиром, в с. Суворово – если покойный в скорости должен был вступить в брак, то его пара во время похорон была одета в свадебный костюм.

Исходя из вышеизложенного можно отметить, что еще в начале XX века у болгар сохраняются элементы так называемых похорон-свадьбы, известных практически у всех народов. Истоки этого обрядового комплекса, а также обычай хоронить в свадебной одежде (в с. Городнее зафиксирован обычай хоронить покойника в той одежде, в которой он венчался) лежат, по мнению этнографов, в известном в славянском мире обычае соумирания жены с мужем, которое понималось как вторичное вступление в брак через смерть⁵³. В данном случае обрядовая практика, вероятно, представляет собой поздний этап трансформационного процесса замены буквального исполнения обряда на имитативные формы, когда необходимо создание иллюзии происходящего “вторичного” брака. Остатками представлений о необходимости соумирания, на наш взгляд, можно считать то, что в с. Суворово о собранных для погребения вещах говорили “приданное на ту свадьбу”. Особенно создание иллюзии было необходимо при погребении незамужних, так как исследователи подчеркивают, что при эволюции данного комплекса он пришел в тесное соприкосновение с верой в “заложных покойников” и только точное исполнение ритуала ограждено живых от вредоносной силы мертвых⁵⁴. Среди моментов инсценирующих свадьбу покойного к началу XX века наиболее полно сохранилась свадебная одежда и элементы выбора избранника для вступления покойного в брак.

Помимо вышеуказанного отличительной чертой похороны молодой девушки было использование ветки (клон – 2) для того, чтобы нести ее одежду перед похоронной процессией. После похорон эту одежду отдавали тому, кто ее нес (как правило, близкой подруге), а ветку оставляли на могиле. Аналогичный обычай с веткой исполнялся и на похоронах приставушки (девушки, которая жила в доме парня, но свадьбы у них не было).

Некоторые славянские параллели данных обрядовых действий позволяют полагать о том, что обычай раздачи одежды отражает определенный, вероятно достаточно поздний, этап развития погребального жертвоприношения. Сходным на наш взгляд является и зафиксированный обычай раздачи части имущества и одежды покойного в день похорон (7, на 9-й день) 2, 8), 40-й день (7, 8) или 1 год после похорон (8), а также многочисленные своеобразные подарки, в т. ч. и как плата за услуги отдельным участникам похорон (тем, кто обмывал тело покойного, копал могилу, нес венки, крышку гроба и т. д.) в виде изделий из текстиля (платочки, дорожки, полотенца и т. д.). Причем зачастую эти предметы не просто раздавались, а ими перевязывали как во время свадебных обрядов. А ветка, возможно, представлялась своеобразным заместителем избранника и подчеркивала связь погребального культа в аграрными, отмеченного как уславянских, так и у неславянских народов⁵⁵.

К началу XX столетия траур наиболее ярко проявлялся в одежде женщин. На похорон женщины ходили в темной одежде. В знак траура по близким болгарки расплетали кончики своих кос. Срок ношения такой прически колебался от 40 дней до 1 года. Темная одежда в течение 1 года после смерти мужа и особый способ повязывания платка, когда его концы не завязывались, а затыкались на висках, в течение своей оставшейся жизни (2, 3) были обязательными атрибутами вдовы.

Менее строгие правила соблюдения траура сохранились к началу XX века для мужчин: на похоронах мужчины повязывали на руку белую повязку, близкие родственники покойного не брились в течение 40 дней после похорон. Использование именно белой повязки, видимо, свидетельствует, что традиционным для болгар цветом траура был белый,

а не черный. Подтверждением этому может служить также и обычай вывешивать возле дома, где есть покойник кусок белой материи или белый платок (8).

Таким образом письменные источники и собранные материалы свидетельствуют, что костюм со всеми его аксессуарами и атрибутами являлся важной составной частью материальных компонентов болгарской обрядности.

В обычаях конца XIX – первой половины XX века, таких как заготавливать приданное, одаривать родственников и гостей во время свадебных и родильных обрядов, “платить” одеждой или предметами из текстиля за различные “услуги” (типа обмывание покойника, копанье могилы и т. д.) в похоронных обрядах, отразились экономические и престижные функции костюма, поскольку состав и количество фигурирующей в этих обычаях одежды зачастую зависел от материального достатка.

В обычаях перемены девичьей прически и головного убора на женский, взаимного одаривания одежда наделялась символическим и магическим значением, основанном на архаических идеологических представлениях, зачастую уже исчезнувших из мировоззрения. Так, свадебное покрывало в костюме невесты (було), вероятно, восходит к ритуальному комплексу инициаций и связано с обязательностью укрывания посвящаемого. Обереги в одежде роженицы и новорожденного, отражающие представления о защитных свойствах металла, чеснока и ряда других предметов, были обусловлены необходимостью защиты как матери и ребенка, так и окружающих. Видимо, в такой форме сохранились представления о том, что люди, находящиеся на переходе, каковым по народным поверьям считались и роды, обладают особой магической силой.

Собственно традиционная обрядовая одежда, т. е. предназначенная для ношения во время обрядовых действий, у жителей исследованных населенных пунктов представлена лишь отдельными компонентами. В их числе необходимо назвать специальную похоронную рубашку (аса, прегурялка), отличительной чертой которой было отсутствие швов, а также использование свадебных костюмов при похоронах парней и девушек, не вступивших в брак.

Вместе с тем, при вытеснении из обрядового костюма традиционных элементов городской одеждой на последнюю переносятся некоторые функции традиционной обрядовой одежды. Так, функции свадебного покрывала невесты в 20-30-е гг. XX века частично выполняли фата, венок и повязанный на руку кусок ткани.

Значительно шире в обрядах использовалась повседневная или праздничная одежда, приобретающая обрядовые функции. Обычная меховая одежда имела магическую нагрузку в семейных обрядах болгар.

Ряд отдельных элементов, включенных в повседневный костюм, превращали его в обрядовый, указывая на принадлежность того или иного лица к определенному ритуалу (например, венки участников поезда жениха).

В некоторых случаях, предметы из текстиля в обрядах выполняли информативные функции. Вывешенный возле дома кусок белой ткани или белый платок, означали наличие в доме покойника.

Прослеживается связь костюма и его атрибутов с охранительной магией. Кроме того, с их помощью осуществлялись действия, восходящие к контактной магии: чтобы молодые жили дружно связывали руку молодых или накидывали им на голову одну нитку бус.

В заключение нельзя не отметить необходимость дальнейшего изучения культуры болгар, в т. ч. как прошлой, так и современной одежды и обрядности (в намеченном в данной работе аспекте), что позволит сделать более широкие обобщения и выводы.

Примечания

- ¹ Богатырев, П. Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 308; Байбурун, А. К. Семиотический аспект функционирования вещей. Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989, 80 – 82; Топорков, А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры. Там же, 92 – 93.
- ² Материалы хранятся в лаборатории археологии и этнографии Степной Украины исторического факультета ОГУ.
- ³ Задерацкий, П. Э. Болгары поселенцы Новороссийского края и Бессарабии. Москвитянин. 1845, № 12, с. 172; Кочубинский, А. Материалы для этнографии болгар. Записки Одесского общества истории древностей. 1989, Т. 15, с. 835.
- ⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1910, с. 201; Державин, Н. С. Болгарские колонии в России. СБНУ. Кн. XXIX. С., 1914, с. 146; Демиденко, Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев, 1970, с. 76; Колев, Н. Свадебные обичаи и обряды у болгарите в Бесарабия и Южна Русия. - В: Болгарите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том трети. Велико Търново, 1994, с. 335, 337; Стрезева, Н. Празнично-обрядната система на населението от с. Главан, Бесарабско. - В: Болгарите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том четвърти. Велико Търново, 1995, с. 371.
- ⁵ Велева, М. Облекло. Етнография на България. С., 1983, Т. 2, 274 – 276; Михайлова, Г. Облекло, свързано със семейните обичаи. - В: Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. С., 1985, с. 158; Колев, Н. Българска етнография. С., 1987, с. 227; Генчев, С. Семейни обичаи и обреди. - В: Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. С., 1993, с. 211; Цанева, Е. Свадебни обреди и обичаи. - В: Родопи. Традиционна народна и социално-нормативна култура. С., 1994, 174 – 175.
- ⁶ Россия ... СПб., 1910, с. 201; Державин, Н. С. Указ. соч., с. 146; Демиденко, Л. А. Указ. соч., с. 76; Колев, Н. Свадебные обичаи и обряды у болгарите в Бесарабия и Южна Русия. Болгарите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том трети. Велико Търново, 1994, с. 335, 337; Стрезева, Н. Указ. соч., с. 371.
- ⁷ Стрезева, Н. Указ. соч., с. 337.
- ⁸ Россия ..., с. 202.
- ⁹ Колев, Н. Указ. соч., с. 337.
- ¹⁰ Державин, Н. С. Указ. соч., с. 146.
- ¹¹ Россия ..., с. 202; Колев, Н. Указ. соч., с. 337.
- ¹² Державин, Н. С. Указ. соч., с. 146.
- ¹³ Иванова, Р., Маркова, Л. В. Болгары. Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988, с. 152; Генчев, С. Семейни обичаи и обреди. Етнография на България, Т. 3, С., 1985, с. 190.
- ¹⁴ Иванова, Р., Маркова, Л. В. Указ. соч., с. 152.

- ¹⁵ Колев, Н. Празнично-обрядната система на населението от с. Главан, Старозагорско. - В: Болгарите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том четвърти. Велико Търново, 1995, с. 358.
- ¹⁶ Зеленчук, В. С., Филимонова, М. Ф. Национальная гагузская одежда и ее бытование в настоящее время. - В: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, 70 – 71; Курогло, С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. Кишинев, 1980.
- ¹⁷ Демиденко, Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. К., 1979, 74 – 76.
- ¹⁸ Зеленчук, В. С., Филимонова, М. Ф. Указ. соч., с. 71; Наулко, В. И. Развитие межэтнических связей в Украине. К., 1975, с. 235.
- ¹⁹ Денисов, П. В. Этно-культурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, 69 – 70.
- ²⁰ Здровега, Н. І. Нариси народної весільної обрядовості на Україні. К., 1974, 114 – 115; Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984, 54 – 55.
- ²¹ Еремина, В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991, 85 – 92.
- ²² Колева, Т. А. Болгары. - В: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX – начала XX в. Весенние праздники. М., 1977, с. 284.
- ²³ Колева, Т. А. Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов. - Советская этнография. 1977, № 5, 74 – 85.
- ²⁴ Токарев, С. А. Ранние формы религии. М., 1990, 209 – 210.
- ²⁵ Тэрнер, В. Символ и ритуал. М., 1983, 93 – 102.
- ²⁶ Фрэзер, Д. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986, с. 646.
- ²⁷ Колев, Н. Празнично-обрядната система на населението от с. Главан, Старозагорско. - В: Болгарите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том четвърти. Велико Търново, 1995, с. 358.
- ²⁸ Здровега, Н. І. Указ. соч., К., 1974, с. 73, 93, 98, 103; Борисенко, В. К. Весільні звичаї та обряди на Україні. К., 1988, с. 75.
- ²⁹ Маслова, Г. С. Указ. соч., с. 39.
- ³⁰ Народы России. Живописный альбом. СПб., 1878, с. 239; Кочубинский, А. Указ. соч., с. 830.
- ³¹ Державин, Н. С. Указ. соч., с. 10.
- ³² Маслова, Г. С. Указ. соч., с. 64.
- ³³ Зеленчук, В. С. Очерки молдавской народной обрядности. К., 1956, с. 42.
- ³⁴ Курогло, С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX в. К., 1980, с. 79.
- ³⁵ Державин, Н. С. Указ. соч., с. 145.
- ³⁶ Колев, Н. Българска етнография. С., 1987, с. 226.
- ³⁷ Кагаров, Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. - Сборник Музея антропологии и этнографии. 1929, Т. 8, с. 161; Маслова, Г. С. Указ. соч., 76 – 79.
- ³⁸ Державин, Н. С. Указ. соч., с. 145.
- ³⁹ Михайлова, Г. Облекло. Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. С., 1974, с. 231.
- ⁴⁰ Народы России. Живописный альбом. СПб., 1878, с. 242.
- ⁴¹ Дякович, Вл. Българска Бесарабия, С., 1918, с. 116.

⁴² Державин, Н. С. Указ. соч., с. 89.

⁴³ Календарная обрядность в странах зарубежной Европы XIX – начала XX в. Зимние праздники. М., 1973, с. 322.

⁴⁴ Сумцов, Н. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка. - Журнал Министерства народного просвещения. 1880, часть ССХII, с. 77.

⁴⁵ Дякович, Вл. Указ. соч., с. 116.

⁴⁶ Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX – начала XX в. Зимние праздники. М., 1973, с. 207, 278; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX – начала XX в. Весенние праздники. М., 1977, 282 – 283; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX – начала XX в. Летне-осенние праздники. М., 1978, 227 – 228.

⁴⁷ Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX – начала XX в. Весенние праздники. М., 1977, с. 281.

⁴⁸ Народы России. СПб., 1878, с. 242.

⁴⁹ Державин, Н. С. Указ. соч., с. 112.

⁵⁰ Сумцов, Н. Указ. соч., 87 – 88.

⁵¹ Маслова, Н. С. Указ. соч., с. 104.

⁵² Державин, Н. С. Указ. соч., 111 – 114.

⁵³ Еремина, В. И. Указ. соч., 166 – 172.

⁵⁴ Кагаров, Е. Г. Венчание покойников у немцев Поволжья. - Советская этнография. 1936, № 1, 107 – 108.

⁵⁵ Пропп, В. Я. К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле). - Советская этнография. 1934, № 1-2, 128 – 151; Велецкая, Н. Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн-Фадлана о похоронах “русса”). - В: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 211; Фрэзер, Д. Золотая ветвь. М., 1980, с. 17, 135, 136.